

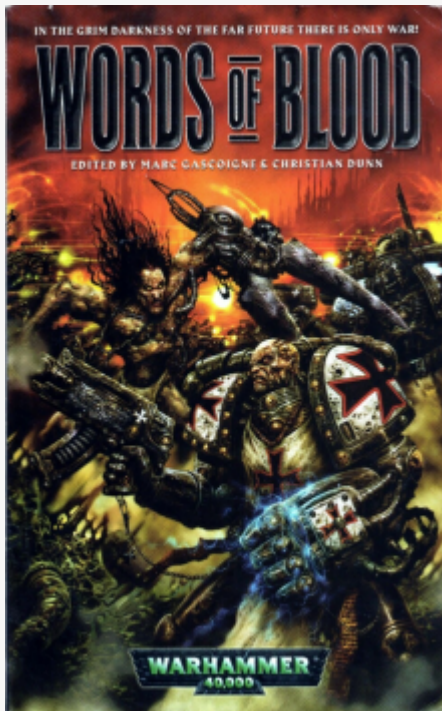
«Дефиксио» / Defixio (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

«Дефиксио» / *Defixio* (рассказ)

Автор [Бен Каунтер / Ben Counter](#)

Переводчик [ZumBurZum](#)

Издательство Black Library

Входит в сборник Слова крови / Words of Blood
Пусть Галактика горит / Let the Galaxy Burn

Год издания [2002](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Defixio, *καταβεσμός*, греч. — использования сил души живущими для их личных целей: «связывание» врага направленной против него душой безвременно умершего.

— ОРКИ! — вскрикнул кто-то по радио, и звук первых грубых выстрелов был хорошо слышен сквозь стенки корпуса в зловонном и узком чреве «Дефиксио». Самизель поднял на плечо массивный вес тяжелого болтера на спонсоне и бегло взглянул в смотровую щель. Из-за колонны он ничего не мог

разглядеть, лишь клочья дыма, долетающие до них от передней части конвоя, но уже мог услышать неразбериху возрастающего шума — ломанные голоса в коммуникаторах, глухие удары где-то впереди, и взвод «Экстерминаторов» рядом с ними, разъезжающийся на боевые позиции.

Поговаривали, что ему не везло. Самизель начал думать, что они правы.

— Экипаж, заряжай! — донесся голос Командующего Карра-Врасса сквозь грохот гусениц и эхо взрывов. Самизель мельком увидел, как Граек, с покрытой татуировками спиной, вгонял снаряды автопушки в зарядную камору. Тощая фигура Дамрида втиснулась в кресло на башне над ним.

— «Дефисио» запрашивает местоположение цели, — пролаял Карра-Врасс в коммуникатор, но все, что он услышал в ответ, был шум статических помех смешанный с криками. Он развернулся и прокричал сквозь шум двигателей «Дефисио»:

— Экипаж, найдите мне цели немедленно! В первую очередь пехоту и легкую технику!

Ужасающий огромной мощи взрыв и метнувшийся в его сторону оранжево-белый сполох огня закрыли обзор Самизелю.

Язык пламени лизнул смотровую щель и он рванул назад от спонсона, его противогаз моментально забился гарью и дымом. Двигатель, как только Днеп его завел, издал омерзительный, причиняющий боль звук, и «Дефисио» рванул сквозь обломки подбитого перед ними танка.

— Что, черт возьми, это было? — проревел Карра-Врасс.

— «Адская гончая»! — бросил назад Самизель. — Они подбили «Адскую гончую» Лукулло!

Горящие тела беспорядочно валялись снаружи на темной земле, и Самизель был благодарен за то, что он не мог слышать их криков.

— Цели! — раздался из башни голос Дамрида, уже наводящего автопушки «Дефисио».

Каллин, на противоположном спонсоне, открыл огонь и внутренности «Дефисио» наполнились грохотом тяжелого болтера, выплевывающего горячие снаряды.

— Получите, гроксовы сукины дети!

Карра-Врасс ухитрился открыть передний люк и высунул наружу голову, чтобы посмотреть, что происходит.

Когда он вернулся на свое место, часть его лица была темной от копоти.

— Цельтесь в вездеход!

Самизель не слышал сквозь грохот, но знал, что Дамрид, должно быть, пробормотал молитву Императору, как он обычно делал, прямо перед двойным выстрелом из автопушки, который заглушил все вокруг на долю секунды.

Вся огнестрельная мощь «Дефисио» была направлена на орков, находящихся в противоположной стороне от спонсона Самизеля. Он не мог видеть орков, а теперь еще и густой дым стелился по долине, источаемый догорающей впереди половиной конвоя. Внутри танка было очень душно, но похоже никто особо этого не замечал. Каждый глоток воздуха хим-пса проходил через респиратор или военный противогаз, сквозь дыхательные фильтры, ибо неочищенный он мог бы убить любого человека.

Граек стряхнул раскаленные гильзы со казенной части орудия и захлопнул еще два затвора, Каллин продолжил наполнять воздух звуками очереди из тяжелого болтера.

— Самиэль, найди мне цели! — выкрикнул Карра-Врасс. В отличие от всего остального экипажа его голос не был искажен уродливыми имплантами или противогазом — у савларских аристократов не было подобных вещей, потому что дома они дышали чистым, привезенным воздухом.

— Ничего, сэр! — ответил Самиэль и, как только он это произнес, монструозное грубое механическое устройство выплыло из дыма, и он уставился на самое уродливое приземистое воздушное судно из всех, которые он только видел. Оно летело так низко, что издавало звук, похожий на свист ядерного ветра, а за ним следовало множество хрупких багги, полугусеничных машин и байков, управляемых безумными зеленокожими, скалящими зубы и палящими из пушек. Они неслись по долине на невыносимой скорости, и один из них двинулся в сторону «Дефиксио». Танк резко дернулся в его сторону и Самиэля отбросило назад. Оружейный залп прогрохотал по броне «Дефиксио», и Дамрид развернул башню в сторону орды.

Затем вновь раздался рев истребителя, почуявшего добычу и разворачивающемуся на очередной заход. После чего пушечные снаряды, выпущенные сверху, вспороли землю вокруг танка, проникая внутрь «Дефиксио» со стороны Самиэля, как нож сквозь масло. Самиэль ничего не слышал, потому как весь грохот разбивался о стену белого шума, нарастающего в его голове. Сквозь зияющую дыру в корпусе танка он увидел роящуюся массу зеленокожих психов, обрушившихся на долину.

Самиэль осознал, что ощущает поток воздуха внутри кабины танка, и что орудие Каллина все еще стреляет, хотя его уже захлестнула волна белого шума и сознание померкло.

Когда он очнулся, то единственное, что он увидел, было зловещее серое небо Джагерсвельда. Лишь одна планета, на которой был Самиэль, казалась более уродливой, чем эта, и это был Савлар. В обязанности Гвардии входил поиск новобранцев на Савларе и Мертвых Лунах с их химическими шахтами и городами-тюрьмами. Все, что Гвардия сделала для него — это выдернула на эту забытую Богом планету, убила его друзей, прокляла его. Так как он был единственным выжившим, он уже израсходовал выделенную ему толику удачи, и кто бы не служил с ним в следующий раз, ему будет везти меньше как раз на эту самую израсходованную часть.

Но он все еще не умер.

Он сел прямо и почувствовал тупую боль в конечностях и острые спазмы боли в тех местах, куда попали осколки. Он вдохнул влажный нездоровый воздух Джагерсвельда и услышал металлический выдох, вырвавшийся сквозь импланты его грудной клетки. Имплантаты Самиэля были более изошренными, чем у большинства, так как жизнь работников Администратума, а тем более ее продолжительность, ценились больше, чем жизнь среднестатистического хим-пса. Но Гвардейцам было наплевать на его преимущества.

Они находились прямо на вершине холма в долине. «Дефиксио» стоял рядом. Корпус боевого танка типа «Экстерминатор» был обвешан различными украденными и собранными с поля боя деталями: привинченными Днепом кусками брони, трофеями. Каллин украсил связкой орочьих лап свой спонсон, самые свежие еще влажно блестели, старые уже увяли и начали гнить. Полковые знаки Савлара были отпечатаны с одной стороны башни, с другой небрежной рукой Днепа было выведено жирными белыми буквами «Дефиксио».

Танк был окрашен в тусклые серо-коричневые маскирующие цвета, обычные для всего на

Джагерсвельде, но различные оттенки того, что было к нему прикреплено и прилеплено, придавали ему совершенно другой вид, отличный от того, каким он был выпущен в далеком мире-кузнице. До Самиэля начало доходить, что теперь это их танк, их дом, их крепость, также как и их оружие, выданное им. И так как он принадлежал им, экипаж старался сделать все возможное, чтобы во время его починки и обслуживания, на нем оставались все следы, оставшиеся от битв и столкновений, через которые он прошел; поменяли практически все в этой громадной машине, пока она не стала состоять из того, что на нее установили и исправили. Танк принадлежал экипажу намного дольше, чем он принадлежал Имперской Гвардии, и это было так, как хотел экипаж. Сам Дниеп стоял на коленях с другой стороны «Дефиксио» и приваривал огромный кусок трофейного металла поверх дыры в боковой броне, которая станет еще одним боевым ранением, и танк гордо понесет его подобно медали за отвагу.

— Похоже, что вся твоя удача кончилась! — Самиэль обнаружил, что рассматривает Каллина, возвышающегося над ним. Каллин был большим парнем, высоким и с широкой грудью, с чудовищно изъеденной постоянными химическим дождями кожей, Самиэль видел более здорово выглядящие трупы. Простой респираторный имплант под его челюстью подтверждал, что он вырос в химических шахтах Мертвых Лун, что было само по себе подвигом.

— Чудо, что мы так далеко забрались, не смотря на проклятье.

— Сохрани свой оптимизм для зеленокожих, Каллин!

Каллин наклонился и поднес свое обезображенное лицо ближе. Орочьи кости, висящие на его шее, издали нестройные звуки подобно звуку ветра.

— Ты проклят, парень. Кто-то там наверху послал нам наказание, будто зеленокожих нам недостаточно. Не кажется ли тебе, что мы не против найти тебе замену или горевали бы, будь ты мертв. Граек мертв, и мы скоро присоединимся к нему, и это все потому, что мы прокляты.

— Граек умер?

Каллин указал на труп заряжающего, лежащий в тени скалы, часть его торса была темно-красной и вспухшей под татуировками.

— Абсолютно мертв. Все ребра расплющены, а кишки превратились в гроксов корм. Как я и сказал, чудо, если мы будем такими же. Проклятый и мальчик из гильдии, зубы Императора!

Он увидел, как Самиэль смутился и нахмурился, и улыбнулся во весь рот, полный, изъеденных кислотным воздухом, зубов.

— Ты что-нибудь знаешь о Карра-Врассе? Что за чертову палку он таскает?

Самиэль отрицательно покачал головой. Карра-Врасс всегда носил с собой серебряную шегольскую трость, но Самиэль полагал, что это всего лишь способ привлечения внимания, подобно тому, как другие офицеры носили все свои медали или парадные сабли.

— Это символ занимаемого поста. Сделан из титаниума. Он не просто аристократ, он из гильдии. Когда он не играет в солдата с танком, полным нас, плебеев, этот ублюдок сидит на орбите и продает ту мерзость, что мы штампуют на Мертвых Лунах. Люди, подобные ему, могут заставить любого работать на износ. Большинство из нас даже не преступники, мы вторая каста или даже лучше, но им наплевать. До тех пор, пока идет торговля, мы всего лишь механизмы, делающие им деньги. Он попользовал Граека, как до этого попользовал половину людей на Мертвых Лунах.

Когда Карра-Врасс с Дамридом подошли к ним, Самиэль не мог не заметить, что сверкающая щегольская трость офицера все еще находится в его руке. В другой был зажат подобранный визор, один из «нестандартных» элементов экипировки, находящихся в каждой машине Хим-псов.

— Мы не идем на соединение с конвоем, — принес Карра-Врасс.

— Почему? — спросил Дниеп, отрываясь от поспешной сварки.

— Потому что его больше здесь нет. Мы потеряли примерно три четверти войск в этой засаде, и, должно быть, задняя часть конвоя отступила. Мы не можем связаться с ними, потому что наши коммуниторы вышли из строя, и орки отрезали нас.

— И что мы будем делать? — спросил Каллин, закипая от гнева. — Ждать патруль зеленокожих, чтобы с нас живьем сняли кожу?

— Ближайший штаб войск — 24-й Кадийский полк, полторы тысячи километров на запад.

— Три дня по землям, занятым орками?

— Точно, Каллин. Но мне не нравится, что ты задаешь вопросы таким тоном.

Каллин пробормотал что-то себе под нос, и Самиэль был рад, что не услышал этого.

— А теперь, экипаж, — продолжил Карра-Врасс, — когда Самиэль с нами, я полагаю, что настало время молитвы. Дамрид?

— Сэр. — Дамрид сделал шаг вперед, выживая молитвенник из своего плохо подогнанного солдатского обмундирования. Он начал говорить о надежде и обязанностях, о том, что они все грешники, желающие только выжить, чтобы посвятить себя службе Императору. Слова были знакомы Самиэлю, он слышал их раньше в часовнях административной колонии, там где он жил. Но он знал, что они не лишены смысла, даже если ему было трудно в них поверить — преданность — единственное, что помогало гвардейцу быть в здравом уме. Даже он порой взывал к Императору за помощью, особенно, когда он вылезал наружу из горящего остова танка и чувствовал спиной языки пламени и ударную волну от взрыва.

Он был единственным выжившим. Возможно, один раз Император его услышал и поэтому не был готов послать ему чудо второй раз. Может быть поэтому ему так не везло.

Самиэль и Дамрид быстро похоронили тело Граека — орки были чуть лучше, чем животные, и неграбленное тело могло привлечь их внимание. Самиэль не возражал, когда Дамрид обобрал труп мертвого соратника и присвоил несколько найденных безделушек и рожков патронов. Он бы и сам так поступил и с врагом, и с другом.

— Что-то не так?.. — нерешительно спросил Дамрид. — Разве хорошо потерять друга и тут же его забыть?

— Я не знаю, — ответил Самиэль. — Я не так давно с ним знаком.

Последняя горсть земли была брошена на тело мертвеца.

— Ты не хотел. Он был плохим. Худшим...

— Что он сделал? — Это не был вопрос, обычно задаваемый хим-псу, его преступления — это его дело. Но Граек был мертв, и он уже не мог пожаловаться.

— Рабовладелец. Он общался... с нечистыми. Какие-то арбитры выследили его, но он добрался до них первым, и когда он покончил с ними, пошли слухи, что невозможно было опознать по трупам, что когда-то они были людьми.

— Что еще хуже, он не хотел измениться. Он никогда не видел света. Он никогда не переставал мучить людей. Когда мы эвакуировали гражданских на юге, он исчез на несколько дней, а когда вернулся, появились истории о семьях, замурованных в бункерах, и детях замученных ради спортивного интереса. Во всем обвинили орков, но Граеку было... что скрывать. Я думаю, он был худшим из людей.

Самиэль был благодарен за нездоровую дрожь, исходящую от двигателей «Дефиксио», которые вернулись к жизни.

— Даже не знаю, что бы было, если бы их встраивали рядом, — произнес Дниеп. — Топливо не проблема, ты можешь заправить «Леман Русс» мочой и, подгоняемый матом, он все равно поедет. Но он получил серьезное попадание вон там сзади, и гусеницы немного расшатаны.

— Он выдержит? — Голос Карра-Врасса был беспристрастен. Он наверно знал, что его жизнь зависит от целостности танка, но никак этого не выдавал.

Дниеп поднялся, вытирая масляные руки об свою солдатскую форму. — Три дня? Вы удивитесь, сэр. Я сам иногда удивляюсь, как много невзгод он способен вынести.

— Отлично. — Офицер повысил свой голос. — Погребения окончены?

Дамрид задрал руку вверх. Он закатал рукава своей формы, и впервые Самиэль кое-что заметил, — татуировка, череп, оплетенный колючей проволокой, со штрих-кодом под ним, почти на плече парня. Это был один из многих символов, которым метили новоприбывших узников, присланных на Мертвые Луны, и он означал, что Дамрид не был второй кастой, как полагал Самиэль. Он был преступником. Что же он сделал? Ходили слухи о детях, пробирающихся в химические шахты, чтобы украсть буханку хлеба или недостаточно ликующих, когда планетарный губернатор обращается к толпе. Бедный парень. Жизнь может быть достаточно тяжелой, даже если тебя не приговорили к медленной смерти, когда ты достаточно стар, чтобы понять, что было хорошо, а что плохо.

— А орудия?

— Заряжены и готовы, — раздался голос Каллина из утробы корпуса.

— Очень хорошо. У орков патрули, ищущие выживших, и мы не должны дать ни малейшего шанса нас обнаружить. Мы отправляемся немедленно.

Они забрались внутрь «Дефиксио», Дамрид в башню, чтобы занять наблюдательный пост, Карра-Врас с Дниепом расположились в передней части. Каллин и Самиэль, тем временем, устроились в спонсонах, чтобы урвать хоть капельку забитого шумами и беспокойством сна.

Ты не можешь видеть сны, если ты не спишь, но можно чувствовать себя как в кошмаре. Не так давно это случилось с ним, но он знал, что это будет похоронено глубоко внутри него до тех пор, пока смерть не заберет его. Это была единственная причина, почему он находился внутри «Дефиксио», но они все думали, как говорил Каллин, что Самиэль обладал проклятием, уменьшающим удачу. Его предыдущий танк, «Палач», был окружен огромным числом легких машин и байков, которыми зеленокожие управляли как психи.

Он видел огромную волну черно-красного огня и чувствовал жар на своем лице. Он чувствовал спиной холод земли, нагревающейся по мере того, как топливо разливалось по земле и текло в его направлении, объятые пламенем.

Он мог видеть, как если бы это происходило сейчас перед ним, силуэты старых товарищей, их горящие спины и орков, палящих из оружия в своих противников. Когда от случайного выстрела боевого байка взорвался боезапас, заднюю часть корпуса танка снесло взрывом, и Самиэль вывалился наружу, в то время как горящий остов двигался вперед, пока не остановился, а его братья по оружию не организовали там оборону.

Жизнь на планете, подобной Савлару, заставляет ценить любой клочок гордости, который удастся заслужить, поэтому экипаж подбитого танка не собирался сдаваться в плен никому и нигде. Самиэль видел, как один из них был сражен взрывной волной, другой был раздавлен колесами боевого байка, проехавшего безумно близко.

А потом температура плазмы реактора добралась до критической отметки. Разрастающийся шар раскаленной белой плазмы, подобно вспышке сверхновой, поджег оставшихся членов экипажа и проделал брешь в орочьей толпе.

Когда дым рассеялся и стали видны тела, Самиэль был единственным, кто выжил. Его раны были несущественны, а орки даже не заметили его в неразберихе. Он слышал, как все говорили, что он самый счастливый гвардеец на планете.

Но они даже не улыбались, когда произносили это.

— Не пойдет, сэр. Едем дальше, пока я еще вижу. — Самиэль вырвался из своего полусна и в очередной раз вернулся внутрь затхлого корпуса «Дефиксио». Он понял, что что-то не так, потому что танк теперь ехал очень медленно, а Карра-Врасс заменил Дамрида на башне.

Дамрид лежал на полу.

— Что происходит? — спросил Каллин, также выдернутый из своего полусна.

— Минное поле, — последовал ответ, и Самиэль понял, что это, вероятно, наихудший ответ, который только можно было бы услышать. Орки даже не пытались маскировать свои минные поля, но они закладывали чертовски много мин и им было наплевать, что они могут потерять парочку своих собратьев, главное, чтобы поля всегда были большими и непроходимыми. Они также имели привычку начинять мины таким количеством взрывчатки, что после взрыва оставались кратеры размером с командный бункер — бытовало мнение среди гвардейцев, что орки так минируют лишь потому, что грохот они любят больше, чем стратегическое преимущество.

Карра-Врасс спустился вниз, вынул свернутую в трубочку карту из-под полы своего пальто и расстелил ее на полу. На карте была изображена северная часть континента, через которую «Дефиксио» пытался проехать. Самиэль увидел лишь, насколько далеко им придется ехать, и как много километров, которые надо преодолеть, было покрыто зелеными значками, обозначающими орочьи лагеря и посты.

Карра-Врасс ткнул в карту концом своей щегольской трости. — Дниеп, здесь наша позиция?

— Почти.

Между «Дефиксио» и кадийским штабом лежала равнина, обведенная контуром. В реальности эти контуры были неровными, разодранными линиями рыхлой земли и оползней. Совершенно непроходимый ландшафт для танка.

— В минном поле нет безопасных проходов, а возвышенности — не выход. В любом случае, поле не очень широкое. Можно попробовать разминировать.

Все посмотрели на Дниеп. Он обладал даром управляться с техникой. До Самизэля доходили слухи о тех чудесах, которые он проявлял при работе с упрямыми двигателями «Лемана Русса», и, без сомнения, он мог научить гвардейских техников-инженеров паре приемов по разминированию полей.

— Я смогу сделать это, — сказал он с такой бравадой, что Самизэль понял насколько безвыходна ситуация, в которую они попали.

— Что с патрулями? — спросил Каллин. — Пока мы здесь ждем, эти кровавые зеленокожие перестреляют нас одного за другим просто ради развлечения.

— Дниеп мог бы остаться, — на этот раз говорил Дамрид — весь экипаж сгрудился вокруг карты. — Если кто-то пометит мины, он их обезвредит в два раза быстрее. Нам нужен водитель, если придется сваливать. Кто-нибудь выйдет наружу и расчистит нам путь, но достаточно быстро. Мы все еще остаемся мишенью, но так у нас хоть есть шанс.

— И мы оставим его, если нам придется драпать, — безжалостно добавил Каллин.

Карра-Врасс начал сворачивать карту:

— Мы никого не оставим. Нам может не хватить людей в бою. У нас уже погиб заряжающий.

— Так кто нам нужен меньше всего? — спросил Дниеп.

И в этот миг все посмотрели на Самизэля.

Снаружи было темно. Джагерсвельд имел две луны, одна из них была огромная и яркая, но ее свет еле пробивался сквозь облака, и болезненно серое сияние смутно освещало ландшафт. Минное поле было достаточно обширно, некоторые напичканные взрывчаткой устройства валялись прямо на земле, это больше походило на вызов, чем на ловушку. Но хоть орки и были почти животными, однако они были очень хитрой разновидностью зверя. Должно быть, некоторые мины они закопали так, что ничего не было видно, и именно их Самизэль должен был пометить, чтобы вмешательство Дниепа было минимальным.

Самизэль уговаривал себя, что он сможет это сделать — до другого края было не так далеко. И, разумеется, это надо было сделать, иначе у «Дефиксио» не было ни малейшего шанса пересечь рыхлые грязные холмы. Даже с Дниепом за рулем.

Выскочив из переднего люка, Самизэль быстро огляделся и понял насколько незащищенным он стал. Вне танка он чувствовал себя невероятно уязвимым.

Внутри танка он был как дома, крошечный пузырь Империи вокруг него. Сейчас он находился в тылу орков. Один. Он проверил свое снаряжение: осветительный пистолет, штык (из запасов Дниепа) и сумка с использованными гильзами, чтобы помечать мины.

Работа была относительно быстрой, но мин было достаточно много. Они были плотно разбросаны с целью породить огромную цепь взрывов, так любимых орками. Он постоянно озирался вокруг, проверяя нет ли огней приближающихся машин орков на темном горизонте, и вслушивался не раздастся ли вибрирующий гул орочьего мотора. Один или два раза до него долетал стрекот оружейного огня где-то вдали, но это могло означать что угодно на орочьей территории — они могли начать значительное наступление или просто стрелять в воздух ради развлечения.

То, что их сложно было предугадать, являлось наихудшей вещью, к ним нельзя было внедриться, нельзя разрушить их экономическую основу или сделать то, что обычно прокатывало со старомодным человечеством. Единственное, что помогало — это ненависть. Не было ни сочувствия, ни уважения. Ты должен был искоренить их... всех... потому что они могли, по-видимому, появляться снова и снова даже при незначительном шансе. Самиэль знал, что война против орков никогда не закончится, даже если они будут сметены с поверхности Джагерсвельда. Гвардию просто перекинут на другую планету, которая была инфицирована, и все начнется сначала. Для Самиэля стало смыслом жизни выбираться живым и надеяться, что какой-нибудь командующий пожалует ему участок земли на завоеванной планете в награду за его жизнь, полную сражений, и после этого он сможет передать свою ненависть кому-нибудь еще. Но если он действительно уже израсходовал всю свою удачу, как подозревали другие, тогда не стоило тешить себя такими надеждами.

Звук, который насторожил его, был похож на скрежет металла об металл, как будто башня «Дефиксио» повернулось, чтобы нацелиться на что-то, чего он не мог увидеть. Самиэль обернулся, он был примерно на середине минного поля, и длинная полоска из гильз отмечала скрытые мины. «Дефиксио» был достаточно далеко, поэтому если бы он побежал к нему, вряд ли успел бы залезть внутрь прежде, чем танк тронется, и Самиэль останется на виду тех, кто их атакует. Он подчинился первому правилу Имперской Гвардии и вжался в землю.

Сразу после выстрела автопушки в отдалении расцвел огромный огненный гриб. На мгновение озарилась группа машин — байки, огромные клацающие штуковины, похожие на изношенный паровой молот на колесах, движущиеся на скорости, граничащей с безумием водителей.

Орки. Их обнаружили, и теперь зеленокожие приближались, чтобы расправиться с ними. Они были сумасшедшими, эти байкеры, однако они были достаточно опасны для танка — они перевозили самую мощную взрывчатку, которая с легкостью вскрыет даже корпус «Лемана Русса». Самиэль видел ее в действии. И сейчас то же самое могло произойти с «Дефиксио».

Красные от жара выхлопы и блестящие рожи стали видны, как только байкеры на немыслимой скорости въехали в долину, а «Дефиксио» продолжал двигаться.

Он ехал лишь в единственном возможном направлении — к ближайшей гряде абсолютной непроходимой земли. Карра-Врасс решил воспользоваться крошечным шансом, доступным «Дефиксио», потому как двигаться в направлении минного поля или приближающихся орков было худшей идеей.

У них не получится. Никак. Спонсон Каллина выплюнул длинную очередь в сторону байков, и после волнующе долго промежутка времени (должно быть, Дамрид сам заряжал, подумал Самиэль, вспомнив раздробленные ребра Граека), автопушка выстрелила снова. Два байка были тут же объаты пламенем и остановились, другие пронеслись сквозь обломки и встали на прежний курс.

«Дефиксио» уже был у подножья гряды и начал взбираться на нее, рыхлая земля начала скользить под его гусеницами. Танк не смог бы оторваться от преследователей и в лучшие времена, а теперь он был

еще медленнее и с трудом волочился по сыпучему склону, под рык окружающих его байков, несущихся во весь опор. Спонсон Самиэля выстрелил, и переднее колесо ближайшего байка оторвало напрочь, подбросив машину в воздух, а управляющего ей орка швырнуло под «Дефиксио». Самиэль понял, что сам Карра-Врасс должно быть встал к орудию.

Мишень офицера была неплоха, но сколько еще снарядов он должен был выпустить... Пронесшийся рядом ведущий байк кинул под гусеницу гранату с зажженным фитилем. Сильный взрыв был слышен даже там, где лежал Самиэль, и он увидел разлетающиеся шарниры гусениц. За ним последовали еще три взрыва, по мере того как еще несколько байкеров подъезжали к танку. Орудие Карра-Врасса все еще стреляло, но в слепую сквозь дым и осколки.

Самиэль знал, что им некогда о нем думать — в общем, наверно, они бы предпочли отсутствие одного стрелка, чем единственного выжившего, приносящего неудачу. Но они все еще оставались его товарищами и солдатами Имперiums, сражающимися против чужих. Он просто не мог позволить им погибнуть.

Он поднялся, достал одну из осветительных шашек из рюкзака и поджег ее. Когда его глаза после внезапной вспышки пришли в норму, он увидел, что ведущий байкер заметил в темноте мерцание и направился в направлении Самиэля, а другие последовали за ним.

Самиэль хотел кинуть шашку и броситься бежать — однако орочььи мины были слишком нестабильны, и вес обычного человека мог спровоцировать взрыв даже противотанкового снаряда. Его сердце, метаящееся в панике в груди, забилося еще более учащенно, когда он осознал, что самое безопасное — это оставаться на месте и смотреть на атаку байкеров.

— Ну давайте, зеленые ублюдки! Сейчас вы получите! — орал он, стараясь перекричать рев двигателей.

Возможно это был самый храбрый поступок в его жизни. Но, возможно, и последний. Останется ли кто-нибудь в живых, чтобы рассказать о том, как он погиб? Сможет ли экипаж «Дефиксио» вообще увидеть, что происходит? Самиэль не мог об этом даже размышлять, потому как его разум был занят вопящей толпой приближающихся байков. Он уже мог разглядеть в свете шашки оскаленные зубы ведущего байкера, видеть раздражение в его крошечных свинячьих глазах и неясные очертания переднего колеса...

Они уже проехали часть минного поля, когда чье-то колесо наткнулось на противотанковую мину, настолько плохо заложенную, что она торчала из земли на половину роста человека. Грохот взрыва был настолько мощным, что в воздух взметнулся огромный пласт земли, а Самиэль полностью оглох. Мгновением позже огромная череда взрывов изверглась с такой силой, что сбила Самиэля с ног подобно хорошему удару кувалды. Он валялся на земле, восстанавливая дыхание, сбитый с толку, весь окружающий мир представлял из себя лишь совокупность обволакивающего безумного белого шума и взрывов.

Когда грохот развеялся и он открыл глаза, то увидел, что воздух наполнен густым дымом, вьющимся из воронки на земле, намного более обширной, чем если бы здесь произошло крушения самолета. Бледный лунный свет рисовал в дыму неясные очертания, а запах горящего топлива вызывал головокружение. Колесо байка, обьятое пламенем, медленно катилось по земле.

«Хвала Императору, — подумал Самиэль. — Я жив!»

— Я не могу в это поверить. Я жив.

Сквозь отступающую глухоту он услышал неровный рев заводящегося двигателя и сквозь рассеивающийся дым увидел последнего байкера, черного от копоти и в пятнах крови, еле цепляющегося за свой байк, но упорно двигающегося в сторону Самиэля через воронку. Самиэль действовал на уровне рефлексов, он взвел свое оружие и выстрелил. Лишь после этого понял, что был вооружен сигнальной ракетницей.

Сияющая белая сигнальная ракета унеслась к байкеру и взорвалась в районе руля подобно феерверку, превратив байк в пылающую комету, несущуюся к нему. Самиэль смог разглядеть маниакальный оскал орка, его злобный взгляд из-под очков, и понял, что сейчас он умрет.

Его обдала волна жара, когда в последний момент байк превратился в горящий шар, перепрыгнувший через него и покотившийся, кувыркаясь, дальше. Байкера выкинуло, объятого пламенем, на минное поле — Самиэль пригнул голову как раз вовремя, чтобы закрыться от неизбежного дождя осколков еще одной сдетонировавшей мины.

Самиэль смотрел на угасающее пламя. Второй раз за последнюю минуту он был очень удивлен, что остался жив. Он лег обратно на землю, внезапно осознав, что смертельно устал, и впервые за несколько месяцев спокойно уснул.

— Ты очень счастливый сукин сын, хим-пес, — голос, кажется, принадлежал Дниепу. Было утро, и солнце озаряло влажные долины Джагерсвелда тусклым серым светом. Самиэль увидел, что находится на вершине холма. У него все болело, но не слишком сильно.

— Эти зеленокожие ублюдки расчистили нам дорогу, — продолжил Дниеп. — И этот последний, ты наверно попал в его бензобак. Он летел как зажигательный патрон, мы видели это отсюда. Даже Каллин был впечатлен.

Самиэль посмотрел на минное поле — там действительно был шрам, пересекающий его, достаточно широкий для «Дефиксио».

Дниеп почесал зудящую кожу вокруг горловых имплантов — он избежал разрушительного влияния химических шахт, потому как был слишком полезен при починке механизмов, но все еще был чертовски уродлив.

— Итак ты справился с одной проблемой, Самиэль, но теперь у нас появилась другая. — Он указал на громаду «Дефиксио», дым все еще вился из-под него. Гусеницы на одной стороне отвалились и безвольно лежали на земле.

— Мы нашли достаточно шарниров, но пару штифтов оторвало напрочь. Один скоро починим, но мы не можем найти второй. Не ради наших жизней. Хотя и ради них тоже, — ведь мы застряли здесь на открытом пространстве с танком, который не двигается и толпой зеленокожих, удивляющихся почему же не вернулись их приятели.

— Вам надо бы поднять меня, я мог бы помочь.

— Карра-Врасс приказал дать тебе поспать. И никто из нас не спорил с ним, никто. Но все же нам не удастся найти штифт. Нам нужно что-нибудь достаточно тонкое, чтобы подходило, но в то же время крепкое, чтобы выдержать нагрузку. Чудо, если мы найдем подобное.

Самиэль поднялся и огляделся. Нельзя сказать, что он на что-то надеялся, просто он не мог лежать там

и ждать. Он знал, что могут нагрянуть орки, потому что они умели быть одновременно в любом месте на планете, и многие гвардейцы клялись, что зеленокожие могут выследить человека по одному лишь запаху. Он шел пригибаясь и постоянно проверяя, не появились ли на горизонте орки, один или два раза он видел что-то темное,двигающееся и прыгающее по земле, но вскоре оно исчезло. Но, как он и ожидал, не было ничего, что могло бы служить в качестве штифта для гусеницы, валяющегося на тяжелой земле Джагерсвелда, пусть хоть кусок металла, лишь бы подошел. Надежды не было, но он не позволял себе думать о том, что скоро умрет. Много раз он слышал от гвардейцев, более достойных, чем он, про ничтожные шансы выжить в этом аду, в котором можно погибнуть в любой момент.

Тем не менее, его шаги были уверенными, голова опущена, когда он начал карабкаться обратно на холм. И тут он услышал звук двигателей.

Он поспешил подняться на рыхлый холм и увидел, что «Дефиксио» прогрел моторы и был готов ехать, наполняя воздух выхлопами, позвякивая из-за нездоровой вибрации цилиндров своими побрякушками и трофеями.

Передний люк откинулся, и оттуда показался Каллин. На его шее и оружейном поясе болталось еще больше найденных побрякушек — хим-пес, не добывающий пищу, всегда вернется с новыми игрушками.

— Самиэль, гроксов трахальщик! Залезай!

Самиэль пробежал последние несколько метров и вскарабкался внутрь — остальные члены экипажа его уже ждали. По кивку Карра-Врасса Дниеп осторожно спустил «Дефиксио» с холма. Затем развернулся и направился к широкому проходу через минное поле, на другую сторону равнины, туда, где находился кадийский штаб.

Самиэль не спрашивал, чем заменили штифт. Возможно, оторванной от орочьей машины осью, или даже аналогичной деталью из обломков «Лемана Русса», наверняка валяющегося неподалеку.

Но лишь через некоторое время он понял, что Карра-Врасс больше не крутит в руках свою титаниевую щегольскую трость.

Подошла очередь Самиэля сидеть на наблюдательном посту. Предыдущий день был нервирующим, но подающим надежды — они спрятались под скалой, когда впереди показались дымящие орочь летательные машины. Часто приходилось затаиваться между утесов и скал, когда рядом проезжали орочь патрули. Карра-Врасс сказал, что орки охотятся на них, потому что танк представляет для них угрозу и одновременно вызов. Охотники были где-то рядом. Но их еще не нашли, а время было на их стороне, потому что они приближались к своей конечной точке.

— Может ты не такой несчастливый, как выглядишь, Самиэль, — сказал Каллин, и это, пожалуй, была самая щедрая похвала, произнесенная им за всю жизнь.

Им предстояло пересечь последнюю горную гряду, прежде чем они увидят кадийский штаб. Им придется многое объяснить — откуда они взялись? Почему они одни? Где оставшаяся часть колонны? Кадийцы взяли себе за обязательное правило прятать все мелкие, но ценные вещи при появлении хим-псов. Но, по крайней мере, они смогут просто поесть, возможно, поспать и урвать пару свободных деньков, прежде чем появится кто-нибудь, кто вернет их обратно в савларский полк.

Самиэль даже не мечтал, что «Дефиксио» сделает это, с разваливающимися гусеницами, с дырой в корпусе, особенно, когда недостает запасных частей от «Лемана Русса». Кадийцы, наверно, разберут

старый «Экстерминатор» и используют его части для ремонта их собственных машин. Но даже Дниеп полагал, что это лучше, чем остаться в дымящем остане, на который всем наплевать, посреди планеты.

Теперь они были на гребне холма, равнина раскинулась вдаль перед глазами Самиэля, кадийский штаб наконец-то предстал им на обозрение...

Ухмыляющийся накрененный рогатый череп тотема, вырезанный из обрезков металла, сваренных вместе, стоял на крыше командного бункера. Выгоревшие «Леманы Руссы» и «Химеры» довершали целостность картины. Зенитная пушка «Гидры» стояла без дела в углу, поникшая и повернутая внутрь, со стволами почерневшими от огня, извергавшегося в прорывающемся через проломы врага.

Тела людей и орков лежали кучками в месте самых ожесточенных боев — пролома, ворот, столовой, комплекса казарм, где размещались солдаты. Там где находился склад топлива, чернел окруженный трупами кратер. Здания и бункеры были вывернуты наизнанку взрыв-зарядами, их содержимое — мебель, оборудование, обитатели — устилали землю вокруг. Эти строения, зияющие провалами окон и дверей, были превращены в огневые точки. Тела в одежде кадийских солдат свисали с колючей проволоки, увенчивающей баррикады и ограждения. Везде были следы от пуль, брошенное оружие и трупы. Трупов было особенно много.

Но самое плохое находилось снаружи. Все вокруг штаба напоминало переполненный город из палаток и хибар, набитый зеленокожими. Они дрались, спорили, делили добычу и пировали тем, что нашли на складах штаба.

Сумасшедшие байкеры, настолько уже привычные для пейзажа Джагерсвельда, жужжали как мухи вокруг лагеря, радостно сжигая захваченное топливо в гонках на немыслимой скорости, ради которой они и жили. Лагерь был охвачен облаком дыма, а порыв ветра доносил неприятный запах горения и зловоний.

— Вы это видите? — прокричал Дамрид снизу.

— Тормози, — ответил Самиэль.

«Дефиксио» остановился. Дамрид первым протиснулся через сиденье башни и высунул свою голову наружу через люк.

— Император милостивый... — прошептал он, положив одну руку на карман, где он держал молитвенник. — Злобные ксеносы... как насчет прощения? Вам недостаточно?

Дамрид скользнул обратно в чрево «Дефиксио». Дниеп занял его место, сиюсь увидеть то, что вызвало такой шок у его товарища.

— Чертовы ублюдки, — произнес он, когда увидел. — Чужеродные ублюдки. Нам следовало бы знать.

Самиэль не знал что сказать. Ну что можно сказать когда маленькая надежда Гвардейца, позволяющая ему быть самим собой, ускользает?

— Так вот что сломило парня, — продолжил Дниеп, обращаясь больше к себе, чем к Самиэлю. — Он думал, что на самом деле был прощен. Вот почему он никогда не звал тебя ходячей неудачей, как мы. Император приглядывает за ним, как он думал, потому что он был прощен.

— За что?

Дниеп скептически посмотрел на него.

— Тебе что никто не говорил? Дамрид плохой парень. Я имею в виду, что сам не отношусь к доброму типу людей, и даже нескольких покалечил, но я никогда... — Дниеп потряс своей головой. — Парень был с пограничного мира, он жил в аду с момента рождения. Когда их послали на миссию подавить ту зону, Дамрид со своими парнями был против. Ты знаешь про его молитвенник? Он когда-то принадлежал сестре. Говорят, что пока Дамрид рубил бедную сучку на куски, все что она смогла сказать, было «он простит тебя. Он простит тебя...» — снова и снова. Когда с ней было покончено, ее тело швырнули на растерзание жвачным медведям. Он начал читать эту чертову книгу на тюремном корабле и ко времени прибытия на Мертвые Луны вбил себе в голову, что он прощен.

— Дамрид? Это полный бред... хотя, порой было сомнения в том, как он верит, как будто вера — его единственный шанс, и он должен следовать ей не смотря ни на что... Он не похож на того, кто прошел через Мертвые Луны.

— Его охраняли. Капеллан, который верит, — самая редкая вещь в галактике. Лучше, чтобы он оставался живым. И когда Гвардия сказала, что формируют еще один полк хим-псов, он вызвался первым, готовый драться за Императора и карать врагов Человечества. — Дниеп потряс своей головой и присвистнул, увидев орков, носящихся без удержу, мастерающих пояса из кожи и ожерелья из рук. — А теперь это. Должно быть у него получилось. На самом деле получилось. Такой парень как он, прошедший через все это и не сломавшийся — это то же самое, что в одиночку выиграть войну.

Когда все насмотрелись на руины Кадийского штаба и его растерзанный гарнизон, они вернулись в «Дефиксио» и замолчали.

Внезапно Каллин стукнул кулаком по стене корпуса:

— Ради этого мы сражаемся? Мы тащили эту кучу металлолома через всю эту гребаную планету и это все, что мы получили?

Все посмотрели на него, и Самизель пожалел, что он не промолчал, но как у всех у Каллина была надежда, растущая каждую минуту на протяжении последнего броска, и он не мог смириться, что она ускользнула от него. Его голос срывался на крик:

— Почему сейчас? Почему они не могли его захватить месяцем раньше или позже, или в любое другое время, но не сейчас? Они не могли... почему? Эти чертовы кадийцы не могли даже позаботиться о своем штабе?

Каллин замолчал, внезапно выдохшись. Дниеп говорил тихо, его глосс дрожал:

— Полк Джурна должен быть к югу, через залив. Если мы доберемся до него и пересечем...

— Нет, — голос Карра-Врасса был тверд. Поэтому он и был офицером, подумал Самизель с неприязнью. Он также был сломлен как и все, но он смог скрыть это. — Можно попробовать пройти через места высадки орков. Когда мы там окажемся, нас прикончат быстро, так как мы на передовой, а пленники потребляют слишком много еды. Если мы двинемся на юг, то нас пленят, поработят, возможно будут играть с нами, но в конце концов мы умрем. Залив не пересечь, было достаточно пленников, пытавшихся сделать это.

— А что тогда? — Голос Каллина был похож на голос ребенка. Самизель был почти уверен, что он плачет.

— Мы умрем?

Карра-Врасс посмотрел на него:

— Мы умрем.

— Все умирают, — Самиэль понял, что говорит вслух.

— Это точно, — ответил Карра-Врасс. — Ничто не вечно.

— Значит так тому и быть, — сказал Дамрид. Его лицо было бледным как у мертвеца и имело отстраненное выражение. Говорили, что человек может заслужить место у трона Императора своим поведением, когда все кажется безнадежным, особенно в моменты самого ужасного отчаяния Он наблюдает, Он судит.

Это был последний шанс Дамрида. Если он умрет достойно, это может означать, что он прощен после всего, что совершил.

— Но многие ли знают, когда придет их время? — продолжил Карра-Врасс. — Многие ли могут увидеть приближающийся конец и подготовиться? Немногие. Из всех наших братьев по оружию только мы может подготовиться. Именно в смерти человек может быть познан более чем в чем-либо. Не так ли, Дамрид?

— Значит так тому и быть, — вновь произнес парень.

— Их патрули поймают нас в течение часа. Их часовые засекут нас еще раньше. У нас не так много времени, но его достаточно. Нам преподнесен величайший дар, который только может получить человек, теперь у нас есть цель. Мы проведем отмеренное нам время, круша чужеродных врагов, не потому что нам приказали или потому что мы должны, а потому что мы выбрали это, чтобы наши смерти что-то да значили. Повернись оно по-другому мы могли бы умереть в полете, или скрываясь, или под кнутом рабовладельца. Но не теперь.

Самиэль поднял взгляд. Эти слова ничего не значили, они уже были покойниками. Орки могли покромсать его друзей, развеять все его надежды, они подарили ему войну, которая вынудила провести всю жизнь в истощении и страхе, сидя в танке на планете, которую он ненавидел. Они могли превратить его в проклятого. Но во имя Императора, эти зеленокожие ублюдки не могли заставить его умереть за просто так.

Он встал на ноги дрожа от возбуждения и гордости. Карра-Врасс тоже поднялся и оправил складки своей шинели.

— Экипаж, заряжай, — произнес он .

Каждая савларская машина оснащалась герметическими затворами люков и дверей. Они все их запечатали, и теперь оркам придется драться с ними просто, чтобы глотнуть того же воздуха, каким дышат хим-псы. Карра-Врасс снял свою офицерскую шинель, закатал черные рукава своей униформы, и шумно загнал два снаряда автопушки в казенную часть. Дамрид спокойно цитировал наиболее значимые для него молебны — некоторые были о том, что никогда не надо отчаиваться, потому что любой хороший человек у Него на счету, даже если человек в своем смирении думает, что это не так.

Карра-Врасс проверил оружие на поясе, дуэльный пистолет, который он каким-то образом умудрился сохранить, хотя его ручка из слоновой кости и ювелирная работа приковывали внимание самых

благородных хим-псов. Остальные поступили также со своими трофеями и оберегами — уродливое короткоствольное ружье Каллина, снятое с мертвого орка, обрез Дниепра, скрытый под сиденьем водителя, ржавая сержантская шпага, которую хранил Дамрид. Тщательный осмотр хлама внутри «Дефиксио» выявил старый, но работающий лазпистолет, его взял Самиэль.

— Последний подарок, полученный мной, — подумал он. — Но так похожий на первый.

Им не следовало долго выжидать. Снова накатывалась темнота, зеленокожий пеший патруль подходил со стороны лагеря. Их было около пятидесяти, они низко пригибались в собирающемся тумане. Вел их орк, на голову или две выше остальных, одна рука оторвана и заменена на отвратительную трехпалую клешню, искрящуюся силовым полем. У них были топоры, ружья, дубины.

Каллин быстро прошептал что-то Карра-Врассу — сквозь свою смотровую щель он увидел один из патрулей байкеров, охотящихся за ними и теперь приближающийся к ним с противоположной стороны. Они были в ловушке.

«Отлично! — подумал Самиэль. — Если хочешь что-то сделать, то вот он прекрасный шанс».

Карра-Врасс оглянулся на Дамрида. Парень кивнул в ответ.

— Огонь, — произнес Карра-Врасс.

Двойной разрыв выстрела попал в центр отряда орков и превратил двух или трех в пылающие факела. Некоторые постарались разбежаться, но лидер стрел парочку из них за загривок и послал вперед, указав своей чудовищной клешней на цель и подгоняя командой к атаке.

Они кинулись вперед, размахивая оружием. Самиэль услышал, как Карра-Врасс откинул дымящиеся гильзы с казенной части и вставил два новых снаряда, также решительно и спокойно, как это делал Граек.

— Дистанция? — спросил офицер, голос был заглушен захлопывающейся крышкой казны.

— Совсем рядом, — прокричал в ответ Дамрид.

— Огонь!

Два взрыва слились в один, и тут же будто преисподняя разверзлась посредине приближающегося патруля. Некоторых кинуло вперед на их товарищей, двоих по кускам подбросило в воздух. Самиэль воспользовался возможностью, — хоть лидер и стукнул двоих головами, чтобы остановить бегство своих воинов, — но замедленный и паникующий патруль был прекрасной мишенью. Он открыл огонь из своего тяжелого болтера, наблюдая как разрывные снаряды, вырвавшись из дула и весело сверкая, прошивают орков. Двое или трое упали, и атака захлебнулась. Теперь Днепс с треском завел двигатели, и «Дефиксио» развернулся к байкерам.

Самиэль продолжал стрелять, заставляя орков вжиматься в землю, но он мог отчетливо слышать влажный треск зеленокожей плоти под гусеницами «Дефиксио».

Каллин уже стрелял со своей стороны, а это значило, что байкеры уже рядом. Пеший патруль вел непрерывный огонь, пытаясь воспользоваться любым моментом для стрельбы, и снаряды яростно барабанили по корпусу «Дефиксио». Шум был ужасающим, и, наверняка, нравился оркам, любящих громкое оружие, но Самиэлю на это было наплевать. Они могут производить такой шум сколько им вздумается, но победят подонков с Мертвых Лун лишь ценой собственной жизни. Его тяжелый болтер

ревел с яростью, которая, как он чувствовал, кипела в нем, и очередной орк был пронизан острым горячим металлом.

Звук похожий на удар грома раздался, как только грубая орочья граната коснулась металлического корпуса со стороны Самизеля. Осколки срикошетили от краев смотровой щели Самизеля, но он даже не вздрогнул. Его магазин почти истощился, когда Карра-Врасс засунул полный в казну тяжелого болтера. Самизель взглянул на него с благодарностью, увидел, что офицер его понял, и вернулся к стрельбе. Теперь он с трудом различал цели, его взор застилала движущаяся масса зеленой плоти, орки пытались затормозить «Дефиксио» своими телами.

Взорвалась еще одна граната, и Каллин грязно выругался, его тяжелый болтер взрывом вырвало из держателя. Не делая паузы он вынул свое орочье оружие и открыл огонь по лапам, цепляющихся за щели корпуса. Теперь Самизель мог слышать байкеров даже сквозь весь этот гвалт, так как байкеры слезли с мотоциклов и добавили свой вес к этому штурму.

Раздался пронзительный визг, и внезапно внутри «Дефиксио» проглянуло небо — лидер орков возвышался над ними, силовая клешня сжимала башню, которую он только что с корнем выдернул из танка. Дамрид свалился вниз в чрево корпуса, схватил саблю и принялся рубить зеленые руки и головы, которые стали лезть через края рваного металла. Со стороны Каллина была лишь небольшая задержка, после которой он вернулся в бой, круша лезущих зеленокожих голыми руками — патроны уже иссякли.

Один из зеленокожих достал Дниепа — топор нырнул вниз погрузился в его спину. Карра-Врасс открыл огонь из своего дуэльного пистолета, каждый выстрел достигал цели, и Самизель последовал его примеру, заряды его лазпистолета начали выжигать кожу зеленокожих. Он услышал, как Каллин непристойно ругался, когда его сквозь дыру в корпусе выдернули десятки когтистых лап, и Самизель был уверен, что Каллин всегда хотел умереть, матерясь.

Массивный орк спрыгнул вниз и сгреб Дамрида своими когтями, чтобы вытолкнуть из танка, царапая худое тело парня, просовывая его наружу, воя от ярости и демонстрируя свои огромные клыки. Карра-Врасс схватил снаряд для автопушки и затолкал его в рот монстра с силой человека, который понимает, что опаздывает. Орк ударил его силовым кулаком, откидывая в сторону, и выстрелы роящихся орков пронзили тело офицера насквозь.

Самизель схватил обороненный Дниепом обрез. Он кожей чувствовал зеленокожих вокруг себя, зубы, кусающие его ноги, когти царапающие его плечи. Но не было боли, рано, он пока еще не достиг своей цели.

Он выстрелил единственным патроном из своего обреза, целясь в лицо огромного орочьего лидера. С грохотом, похожим на конец света, снаряд автопушки, застрявший в его челюсти, сдетонировал, взорвав звериную голову и ототрвал огромный кусок от его монструозного тела. Он качнулся, словно не осознавая, что мертв, а затем упал.

Зная, что он умер, добившись, чего хотел, с сердцем, разгонявшим настоящее ликование по его венам, Самизель упал под давящей массой зеленокожих и больше ничего не чувствовал.

— Ты счастливая скотина, — раздался чей-то голос. Он не был с Савлара, акцент отличался. — Способен говорить?

— Частично, — Самизель удивился, услышав свой собственный голос. Он открыл глаза — никогда еще

солнечный свет Джагерсвельда не был так ярк, и ему пришлось прищуриться после такого долгого...

Сна? Бессознательного состояния? Смерти?

Тень перед ним приобрела очертания человека. Морщинистое лицо и серые волосы, одет в кадийскую униформу. Полковник — Самиэль разглядел шевроны на его плечах.

— Ты не против рассказать мне, что здесь случилось, сынок?

— Столкнулись с небольшим количеством орков, сэр, — Самиэль с трудом мог поверить, что он говорит. Он думал, что уже погибал до этого, дважды... но на этот раз он был уверен, что смерть забрала его. Он был там и ждал ее, и когда она пришла, он посмотрел ей в лицо и отказался уйти без драки.

Он сидел на земле. Позади полковника дымил каркас «Дефиксио». Он не смог бы распознать в этой гряде металлолома танк, не проведи он последние величайшие моменты внутри него. Корпус окружали обугленные скелеты.

Массивные челюсти и раздавленные черепа орков были повсюду, с парой человеческих черепов, когда-то принадлежащих его товарищам.

— Вы много их забрали с собой. Должно быть ты думаешь, что ты мертв, а?

— Я примерно так и думаю, сэр.

— Как я и сказал, одна счастливая скотина выжила. Топливные баки взорвались и тебя выбросило наружу. Неделя или две с сестричками в полевом госпитале и ты вернешься в бой. — Полковник оглядел лохмотья униформы Самиэля и его противогаз, болтающийся на шее.

— Ты с Савлара?

— Да, сэр.

— Украдешь что-нибудь, и мы вздернем тебя.

— Да, сэр.

Самиэль мог только сидеть, он не мог идти — одна нога была настолько повреждена, что даже не чувствовал ее. Пока его грузили на носилки, он мог наблюдать за остальными кадийцами, расчищающими развалины орочьего лагеря и своего отвоеванного штаба. Орочий тотем был сброшен с крыши командного бункера вниз, а тела были собраны в братские могилы.

Ничего из того, что говорил Карра-Врасс не было правдой. Его друзья (а они без сомнения были его друзьями в последние часы) умерли ничуть не лучшей смертью, чем сотни кадийцев несколькими днями ранее, или те бедняги, погибшие, когда был разгромлен конвой. Они ничего не достигли — война на Джагерсвельде продолжилась бы и без них. Империиум остался практически тем же, даже если бы ни один из них не родился.

Но не это самое главное. Они чувствовали, что достигли чего-то в смерти. Даже Карра-Врасс верил в свои собственные слова, в этом Самиэль был уверен. Они верили, что умирают ради чего-то, им позволили встретиться лицом к лицу со смертью, а не так как она нашла бы их, прячущихся, без предупреждения. Сколько гвардейцев на Джагерсвельде могли сказать подобное?

Эта галактика была ужасным местом, она пожирала жизни миллионов людей. Но порой была надежда.

Порой было что-то из чего можно было извлечь урок, какое-то достоинство, гордость, даже если это было перед самым концом. Это было намного больше, чем то, что приобретает человек в Гвардии, или на Мертвых Лунах, или где-нибудь еще. Самиэль не мог сам это четко понять. Но экипаж «Дефиксио» выиграл прекрасный и благородный бой с самими собой.

Теперь, разумеется, Самиэль был единственным выжившим уже второй раз, и это будет чудо, если кто-нибудь при взгляде на него не пробормочет, что этот человек потратил удачи, достаточной для ста таких же. Но были и более плохие вещи. Фактически у него было кое-что, чем он мог гордиться — он умер в совокупности уже три раза, и двое из его похорон прошли с чертовски неплохими почестями. Не такой уж и плохой рейтинг.

Кадийцы несли его обратно к своему штабу, через руины орочьего лагеря. Один из носильщиков скользнул по нему взглядом, и должно быть удивился тому, что, хотя у него была покалечена нога и никого из его друзей не осталось в живых, этот сумасшедший савларский парень просто улыбался.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=«Дефиксио»/_Defixio_\(рассказ\)&oldid=13233](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=«Дефиксио»/_Defixio_(рассказ)&oldid=13233)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 мая 2020 в 18:20.